

МОНАСТЫРКА

"Над Стар-Городом летний вечер. Солнце давно село. Нагорная сторона, где возвышается острый купол собора, озаряется бледными блесками луны, а тихое Заречье утонуло в теплой мгле. По пловучему мосту, соединяющему обе стороны города, изредка проходят одинокие фигуры. Они идут спешно: ночь в тихом городке рано собирает всех в гнезда свои и на пепелища свои. Прокатила почтовая телега, звеня колокольчиком и перебирая, как клавиши, мостовины, и опять все замерло".

Это строки из романа Лескова "Соборяне". Знатоки со всей уверенностью утверждают, что описан здесь древний монастырь во Мценске. Но мне почему-то всегда кажется, что речь идет о Монастырке орловской. Этот уголок губернского города будущий писатель хорошо знал еще с юного возраста. Монастырскую слободку, прилегавшую к собственно монастырю, Лесков иной раз называл "кромешным адом" за ее нравы и обычаи. И в то же время признавался:

"Благодаря орловской Монастырской слободке я знал, что среди страдающего и приниженного духовенства русской церкви не все одни "грошевики, алтынники и блинохваты", каких выводили многие по-вестователи, и я дерзнул написать "Соборян".

Выходит, не случайно так узнаваема Монастырка в лесковском описании... Ночь, город, мерцание золотых куполов и одинокие фигуры далеких прохожих... Я, приехавший в Орел в середине восьмидесятых годов, все это мог представить только мысленно... Да и мог ли представить вообще? Время стерло почти все приметы былого. И все же еще тогда этот уголок города показался мне чем-то необычен (я нередко ходил по опустевшей улице, встречая жену с вечерней смены). Остатки старинных стен на крутом берегу

Оки, скрытые многоэтажным зданием поликлиники, таили в себе что-то непонятное, загадочное... Но что именно?

Зашел сюда под вечер, увидел воочию остатки старых строений, каменную кладку, не выдержавшую натиск времени... Нигде не было ни памятного знака, ни мемориальной доски. Кругом маячили только вывески новых хозяев, поделивших территорию: "Областная ГАИ", "Отдел УВД по исправительным делам", "Управление бытового обслуживания Орловского района"...

Спросил у ребят, что здесь было раньше. Ребята эти, взгромоздившись на скамеечку, по привычке коротали вечернее время и на мой вопрос пожали плечами:

- Монастырка...

У Монастырки (и я был наслышан) с давнего времени в Орле была громкая слава, как о районе самых отчаянных и дерзких подростков. Как будто бы и сам облик соответствовал этой славе: старые стены как после погрома были местом для свалки мусора, кто-то растаскивал их на кирпич, довершая то, что было бессильно сделать время. А из угла обшарпанной часоуенки опять же неведомый кто-то и вовсе выбил пару краеугольных камней. Казалось, вот-вот она накренится и рухнет...

Впечатление тех дней: Монастырка потихоньку исчезала с лица земли, словно разделяя участь своих прежних обитателей. Был здесь когда-то мужской монастырь - о нем напоминает лишь название места. Был потом архиерейский дом - об этом уже почти никто и не помнил. Множество улиц - Садово-Монастырская, Монастырская набережная и т.д. - были переименованы после революции. Может быть, так и должно было случаться, если уходит старое время, - размышлял я тогда. Перевесить таблички на улицах, вывезти битый кирпич и не вспоминать ни о чем?

Из летописи Монастырки

1676 год. Черный поп Евфимий с братиею обращаются к патриарху с челобитной о построении деревянной церкви Успения Пресвятой Богородицы на старом монастырском погосте, называемом Каменным верхом близ роши.

1691 год. Построена каменная церковь Успения. Строится Никольская деревянная церковь.

1693 год. Освящена церковь во имя апостолов Петра и Павла.

1700 год. Построен храм Рождества Иоанна Предтечи.

1725 год. Успенский монастырь приписан к Коломенскому архиерейскому дому. Вскоре в монастыре организуется епархиальная школа для обучения детей духовенства.

1779 год. В монастыре открыто училище, прикрепленное к Севской духовной семинарии.

1820 год. Издан указ о перемещении архиерейского дома, кафедры и семинарии из Севска в губернский центр - в орловский Успенский монастырь, который упразднился, а его штат был переведен во мценский Петропавловский монастырь.

1860 год. Заложен храм во имя Святой Троицы. В конце XIX - начале XX века проводятся обширные строительные работы, возводятся здания для размещения архива и духовной консистории. Открывается церковно-исторический музей.

Битый кирпич - вот и все, что осталось от былого к середине восьмидесятых годов двадцатого века. Развалины по-своему напоминали Помпеи: куда ни копнуть - остатки старых построек, стен, подземелий. По всей видимости, в самые давние времена здесь был пещерный монастырь. Его своеобразным продолжением стали не только многочисленные подвалы, которые так никогда и не были засыпаны полностью, но и катакомбы, пещеры,

пещерные церкви и кельи. А прибавить сюда храмы и другие строения епархиального центра: место по-настоящему обжитое, насыщенное наслоениями разных эпох. Духовный центр уезда, а затем и губернии, всей Орловской епархии...

Конечно, никто из нас не может со всей полнотой представить былую жизнь с ее радостями и бедами. Был когда-то монастырь, был архиерейский дом. Храмы, древние иконы и росписи стен, архив, первые в Орле школы для детей, крестные ходы и молебны... Это была другая, незнакомая нам жизнь. Все ушло, все исчезло. Как будто по иронии судьбы сохранился только самый маленький храм, где до недавнего времени в склепе заготавливали на зиму картошку.

Не случайно в древние времена монастыри были средоточием секретов мастерства. Ведь собирались здесь не только богословы и философы. Хозяйство монастырское всегда велось на образцовом уровне. Были и мельницы, и сады, и виноделами первоклассными считались именно монахи. А еще они иконописцы, архитекторы, строители. В Монастырской слободе в Орле, например, делали даже превосходные речные струги. Словом, умел монах не только Богу молиться, но и рукава засучить.

Рискну утверждать, что Монастырка не была бы столь любима в народе, будь здесь только место православных святынь. Место это, похоже, облюбовали еще в языческие времена для разного рода веселья. И не случайно здесь на Троицу можно было встретить комедиантов и скоморохов, хотя официальная церковь относилась к ним откровенно враждебно. Итак, несколько строк из рукописной истории, сочиненной орловским мещанином Дмитрием Басовым в XIX веке:

"В Троицын день народ отправлялся гулять в Монастырскую рощу... Народ весь из города выходил, и молодой и старый, кроме того, кому остаться

для дому. Каждая артель несла с собою каравай. Придя в рощу и погулявши, сядут в кружок, расстелят настольник, поставят караваи, вино и пиво и пьют, и девки и молодцы по роще артелями гуляют, а в ином месте девки и бабы хороводы делают, и поют и скачут. Тут же в лесу поставят до пяти временных кабаков, а в каждом кабаке вместо рюмок и стаканов приготовлено до пяти сот плошек, которые черный народ разбирает: нальют вина или пива, возьмут и пойдут в кружок, и пьют и поют, и хохочут и ногами топчут. А в ином месте комедианы комедии на веревках и на разных штуках представляют".

Эта живая картинка стала историей уже в начале XIX века, когда в Орел перебрался по монаршему велению архиерей из Севска. Церковный владыка вряд ли мог терпеть соседство с такими буйными празднествами. Жизнь менялась. Монастырка с устройством в ней архиерейского дома постепенно превратилась в большой памятник: здесь было одно из древнейших кладбищ Орла, церковный архив, музей.

Здесь была похоронена Софья Ивановна Сабурова - сестра друга Лермонтова Михаила Сабурова. Она вышла замуж за орловца Дмитрия Николаевича Клушина - председателя губернской палаты уголовного суда.

Здесь был похоронен граф Григорий Иванович Чернышов - известный театральный деятель, отец декабриста Захара Чернышова и Александры Чернышовой - это она, будучи женой декабриста Муравьева, привезла ссыльным декабристам в Сибирь пушкинское послание "Во глубине сибирских руд..."

Орлу, одному из самых крупных городов дореволюционной России, с его дворянскими династиями и купеческими гильдиями, Монастырка была нужна как нельзя кстати. Но кто бы мог подумать, что грядут иные времена...

Из летописи Монастырки

1918 год. Орловско-Севская епархия прекратила свое существование.

1922 год, апрель. Постройки, многие из которых находились в полуразрушенном состоянии, переданы детской колонии (позднее - коммуна-фабрика № 3 Наркомтруда СССР) для перевоспитания беспризорников.

Конец 1920-х годов. С Успенской церкви сносятся купола, разрушается колокольня.

1932 год. Взорван Троицкий собор.

Начало 1930-х годов. Здания переданы основанному в Орле педагогическому институту. Здесь размещаются общежития, спортивный зал, лыжная база.

1941 год. В начале войны в помещениях монастыря был развернут госпиталь. Немцы, захватив город, расстреляли раненых.

1943 год. Размещен лагерь для военнопленных немцев.

1944 год. Создана исправительно-трудовая колония строгого режима, затем - детская воспитательно-трудовая колония. Начало времени постоянной перестройки храмов, а также их разрушения.

Конец 1970-х годов. Размещение лечебно-трудового профилактория. В связи с подготовкой к Олимпиаде в Москве и к встрече в Орле олимпийского огня принимается решение о сносе Успенской церкви (XVII век), Иоанно-Предтеченского храма, стен XVIII века, въездных ворот. Окончательно уничтожены остатки кладбища.

Хронология Монастырки восемнадцатого-девятнадцатого веков и века двадцатого представляют собой как будто зеркальное отражение. В далеком прошлом люди словно поднимались ступенька за ступенькой: что-то планомерно строили, обустроивали, накапливали. А после революции - будто обвал, разрушения, взрывы. В двадцатые-тридцатые годы, да и позже, многое уничтожалось руками малолетних преступников, юных колонистов - человеку зрелому стыдно было за такое кощунство.

Монастырка в прошлом всегда была символом самого бережного отношения к святыням, к древним документам. Еще в феврале 1820 года, когда состоялся переезд епископа Ионы в Орел, тот предписывал эконому, сопровождавшему обоз с архивом:

"Эконому Архиерейского дома лично самому отправиться с сим обозом, тщательно наблюдая, чтобы все вещи в пути были в целости и сохранности, не подвергая [их] ни малейшему случаю к какому-либо урону или повреждению, ни въезжая нигде ни для ночлега, ни для кормления лошадей на дворы, а останавливая всегда обоз свой от домов в таком расстоянии и месте, которые обеспечивали бы его от всякой опасности..., соблюдая в пути целость и порядок обоза..., в поведении своем кротость, благопристойность и самое благоговение, приличествующее как древним левитам, охраняющим скинию Господню... А по приезде в Орел сложить тюки с бережливостью в отведенном для Консистории месте, то есть в Предтечевской церкви подле Успенской".

Вполне естественно, что именно Монастырка стала колыбелью одного из первых в России церковно-археологических музеев. По инициативе епископа Орловского и Севского Никанора здесь на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков возник Орловский церковно-археологический комитет. Именно Никанор положил начало церковно-археологическому музею, передав ему ряд древних вещей не только из консистории и ризницы архиерейского дома, но и из личного собрания. Сюда же была почти целиком передана библиотека древних церковных книг (около 250 томов) из Орловской духовной семинарии. Много даров было и от частных лиц: древние кресты, иконы, рукописи, книги для богослужений.

Так за несколько лет до революции Свято-Троицкая церковь перестала быть служебным храмом и была приспособлена под церковно-археологический

музей. Здесь хранились антиминсы - особые платы, используемые при богослужении. Хранились митры, клобуки и посохи российских патриархов.

Революция страшным смерчем прошла не только по судьбам людей. Варварство праздновало победу над культурой и памятью. Собранное на протяжении многих лет было разграблено и погублено. В 1919 году эмиссар коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины В.П. Панаев составил акт. Вот несколько строк из него:

"...Посетив... Орловский мужской монастырь, где долженствовал бы храниться в данное время орловский консисторский архив, мы нашли таковой в более чем ужасном состоянии. Часть его обретается в хаотическом виде в сарае и подвале, а другая прямо-таки валяется на земле под открытым небом, причем весьма ценные дела по своей исторической давности, перемешанные с навозом и пометом, преют, приходя в полную непригодность, а части страниц из таковых, разбросанные ветром по всему монастырскому двору, окончательно довершают картину вандализма. Такое отчаянно небрежное отношение к ценным памятникам старины должно быть всецело отнесено к преступной бездеятельности уполномоченного по делам Орловской губернии Главного архивного управления В.М. Турчанинова".

Из воспоминаний жительницы города Орла Евдокии Ивановны Казаковой:

"Монастырскую церковь взорвали в двадцать четвертом или двадцать пятом году. В оставшихся помещениях были поселены беспризорники (а иной раз дети из вполне благополучных семей шли в эту коммуну). Здесь были хорошие учебные мастерские, завод. В 1929 году я работала в пригородном хозяйстве около Крестительской церкви и возила в эту трудколонию овощи.

Что касается уничтожения кладбищ... Это было в двадцать девятом, тридцатом или тридцать первом году: обмелели Ока и Орлик и было решено

поднять уровень воды, построив плотину. Для ее сооружения возили надгробные камни с могил Крестительского и Троицкого кладбищ. С Троицкого кладбища возили по Пролетарскому переулку (мимо окон дома № 4, где я тогда жила), а с Крестительского - через Красный мост. В телеге, запряженной лошадьми, обычно помещался только один надмогильный камень, а с детских могил - по два камня. Со стороны Советского района гора была крутой: лошадям приходилось очень тяжело, даже подвязывали колеса, чтобы спускать груз, и поэтому с этой стороны камней было сброшено не так много. Основная часть - с другого берега Оки, со стороны улицы Дзержинского (Покровской).

Потом на этом месте сделали пешеходные лавы (мостик). Мне всегда казалось, что течение воды здесь несколько быстрее, чем в других местах. А когда начал ходить прогулочный теплоход, я всегда невольно задавала себе вопрос: как только он не зацепится за камни под водой? Туда были сброшены даже очень дорогие надгробия черного мрамора с крестами. Они в ясную погоду виднелись сквозь воду, и жутковато становилось женщинам, которые полоскали на лавах белье..."

Как каменный крест под воду, многое из истории разрушенной Монастырки со временем кануло в неизвестность. Выросли новые поколения, для которых это место было просто тюрьмой за колючей проволокой. И кто знает, не наступи 80-е годы, вспомнил бы кто-нибудь о том, чем была Монастырка прежде.

Из летописи Монастырки.

1987 год. В связи с подготовкой Свода памятников области краеведы В.М. Неделин и В.И. Плужников обследуют сохранившиеся сооружения бывшего Архиерейского дома.

1988 - 1989 годы. Первые выступления в прессе о Монастырке и увековечении памяти тех, кто был похоронен на кладбище.

1990 год. Отдел по исправительным делам УВД принимает решение о строительстве на месте полуразрушенного Троицкого храма гаражей и административного корпуса. Усилиями общественности отдел дает согласие на частичную реставрацию храма с условием его дальнейшего приспособления для своих нужд. Впервые выделены средства для проведения изысканий по истории Монастырки.

1990 год. Областная Госавтоинспекция начинает несанкционированное строительство на территории кладбища. После протестов общественности горисполком задним числом дает разрешение ГАИ. Одновременно выделяются средства на проведение археологических раскопок.

1990 год, ноябрь. На кладбище перезахоронены останки, вскрытые в ходе работ.

1991 год, август. На месте алтаря разрушенного Успенского храма поставлен крест и проведено богослужение. Спустя месяц состоялся митинг в защиту святынь.

1992 год, февраль. Комплекс зданий Успенского монастыря принят на государственную охрану.

Март. Верующим передана единственная сохранившаяся церковь - Свято-Троицкая.

Апрель. Территория бывшего монастыря передана Орловско-Брянской епархии. Здесь запрещена хозяйственная деятельность, не связанная с возрождением памятников.

Октябрь. Состоялась торжественная установка мемориального знака на месте будущего Успенского храма в память орловцев - жертв войн и репрессий...

Впрочем, летопись Монастырки продолжается. В ходе раскопок были открыты останки нескольких орловских епископов: их утраченные были могилы теперь, как и подобает, отмечены крестами. Идут службы в возрожденной Троицкой церкви, появилась часовенка с обращением к гражданам помочь средствами на восстановление храмов. И появился на Монастырке... монастырь. Его устав был зарегистрирован в конце весны 1996 года, и это стало своеобразной точкой отсчета новой истории Монастырки. Несколько послушников, как много веков назад, начинают свое скромное, несуетное дело на руинах, на пепелище... Но тогда руины оставило "Литовское разорение". Как теперь будем величать минувшую эпоху?

Монастырке еще далеко до золотых куполов. Еще только в проекте соборность величественных зданий. Подле первой возрожденной церкви-малютки и примитивных келий монастыря по-прежнему располагаются службы управления внутренних дел, чуть поодаль все еще находят место на древней территории платная автостоянка и цирк шапито. Но уже не они определяют лицо Монастырки. В городе, где многое из старого облика давно утрачено, где торопящееся время оставляет о себе память бетонными громадами и многоэтажными кварталами, в этом городе постепенно оживает прошлое - Монастырка. Кончается век, на исходе тысячелетие... Я смутно вспоминаю те дни, когда проходя мимо Монастырки, еще только догадывался об ее истории...

Человек торопится, человек уходит.

А дом, храм и сад остаются.

И даже руины не исчезают совсем.

Наверное, для того, чтобы мы рано или поздно возвращались.

1997 год